

— Эта ватная купля стоит пятьсот вэней? — спросила Ин-ши, жена Шэнь Чэнфу.

— Угу, — кивнул старик Сяо. — Сейчас так много беженцев, а на улице холодно. Нам нужны ватные куртки, чтобы выжить, и по какой бы цене они ни продавались, нам придётся их купить.

— Но это же слишком дорого... Нас восемь человек, если считать по куртке на каждого, это же обойдётся в несколько лян серебра! — с унылым видом произнесла Ин-ши.

— Поэтому я и говорю, что мы сначала одолжим вам серебро! — сказал Шэнь Цжаньжань.

— Разве деньги в долг не нужно возвращать? — на лице Ин-ши отразилось крайнее возмущение.

— Или вы хотите замёрзнуть? — Шэнь Цжаньжань холодно усмехнулся и ледяным тоном добавил: — Если вы думаете именно так, то очень жаль, но вам лучше не идти за нами. Пойдёмте каждый своей дорогой, так хоть не будете нас тяготить.

Когда Шэнь Цжаньжань произнёс эти слова, остальные семьи не высказали никаких возражений и не проронили ни слова. На этом пути, если бы Шэнь Цжаньжань время от времени не ухитрялся добывать какой-нибудь еды, они, скорее всего, погибли бы в дороге.

Возможность жить так, как сейчас, была поистине редкой удачей.

Однако эти люди из семьи старосты ничего этого не понимали.

Шэнь Хуэй, которая всё время кичилась тем, что она барышня из семьи старосты, напрямую принялась бранить Шэнь Цжаньжана.

— Ты всего лишь дурачок, разве твоему голосу здесь место?

— ... — стоило этим словам прозвучать, как все остальные семьи одновременно перевели взгляды на Шэнь Хуэй, и в их глазах читалось явное недовольство.

Шэнь Хуэй же, казалось, ничуть этого не заметила:

— Разве я сказала что-то не так?

— Тц! — в глазах Сяо Сылана мелькнул холод, и он с насмешкой бросил Шэнь Хуэй: — Сейчас вы, кажется, даже уступаете Жан-гэ!

— Ах ты! — от такой насмешки Шэнь Хуэй умолкла, а её лицо залилось гневом.

Увидев это, Шэнь Цжаньжань хмыкнул.

— Шэнь Хуэй, дурачок я или нет и имеет ли мой голос вес — всё это никак с тобой не связано. Сейчас это вы нуждаетесь в нашей помощи, а помогать нам или нет — решать нам.

— Помощь вам — это проявление чувств, а отказ — наш долг. Не стоит воображать о себе слишком много.

Шэнь Цжаньжань говорил бесстрастно, произнося слова, от которых обеим семьям — и Шэнь Чэнфу, и Шэнь Чэнгуя — стало не по себе.

Но неужели на этом всё закончилось?

Отнюдь нет!

Потому что слова шестой бабки, последовавшие за этим, заставили Шэнь Хуэй испытать крайнее неверие, словно её только что смачно ударили по лицу, причём очень больно.

— Хуэй-цзе, твоё воспитание просто отвратительно. Как ты можешь быть настолько недоброжелательной к младшим, сколько вообще лет Жан-гэ?

— Я... — Шэнь Хуэй попыталась оправдаться, но её больше никто не хотел слушать.

Шестая бабка равнодушно бросила взгляд на Шэнь Хуэй, затем повернулась к Шэнь Чэнфу и жестким, холодным тоном произнесла:

— Вы можете идти с нами, но обязаны слушаться Жан-гэ, иначе не присоединяйтесь.

— Скажу вам ещё откровеннее: на этом пути, если бы не Жан-гэ, мы бы никак не смогли добраться сюда в целости и сохранности.

— Мы все подчиняемся решениям Жан-гэ.

Услышав это, Шэнь Чэнфу слегка дрогнул взглядом, шевельнул губами, но в итоге ничего не сказал.

— Верно, — шестой дед понимал, что Шэнь Чэнфу может испытывать неловкость и чувствовать разницу в положении, но сейчас был явно не тот момент, чтобы разбираться с этим. Ему тоже было жаль Шэнь Чэнфу, и он не хотел, чтобы тот просто так взял и ушёл — в конце концов, впереди был долгий путь, и кто знает, что еще встретится на дороге?

Шестой дед похлопал собеседника по плечу и произнёс проникновенным тоном:

— Чэнфу, что бы вы ни думали, в нашем отряде не может быть второго командира...

— Нам нужно благополучно добраться до Цзяннаня, а не погибнуть в дороге из-за внутренних распрей.

— Шестой дед, почему это не могу быть я? Мой старший босс всё-таки унаследовал место старосты, — всё же не смирившись, произнесла Шэнь Хуэй.

— Хуэй-цзе, что такое староста? Сейчас деревня Шэнь находится в таком положении, к чему вообще говорить о старосте?

— Пусть не староста, но он старейшина рода деревни Шэнь! — с досадой подумала Шэнь Хуэй. Раз уж она не барышня из семьи старосты, то всё равно из семьи старейшины рода. Неужели её статус хуже, чем у какого-то дурачка?

Если уж Шэнь Цжаньжань может быть лидером, то почему она не справится?

Стоило Шэнь Цжаньжаню услышать это, как он сразу понял, о чём думает Шэнь Хуэй. Его холодный взгляд с насмешкой устремился на неё, и он язвительно произнёс:

— Только пришли, а уже хотите разделить власть? С чего ваша семья вообще решила, что имеет на это право?

— Только потому, что ваша семья была старостой?

— Или потому, что из-за ошибочного руководства вашей семьи деревня Шэнь оказалась в таком положении?

— Когда шестой дед уговаривал вас уходить на юг, вы не послушались и упрямо двинулись на восток — последствия этого до сих пор у всех перед глазами. Мало того, что вы погубили столько людей, так теперь хотите погубить и нас?

— Жан-гэ! — тихо и с неодобрением окликнул его шестой дед. Он остановил Шэнь Цжаньжана вовсе не потому, что считал того неправым, а потому, что такие слова не пристало произносить самому Шэнь Цжаньжаню.

Но кто такой Шэнь Цжаньжань?

Стал бы он переживать об этом?

Разумеется, они слишком много на себя брали, думая так.

Если бы он переживал, то не стал бы говорить подобного.

Никто не знал, что случится на дальней дороге на юг, к тому же он не осмеливался доверить жизни всех людей незнакомому человеку.

Возможно, чужие жизни его и не волновали, но когда речь шла о собственной семье — на это он бы никогда не согласился.

— Чэнфу, хотя эти слова прозвучали резковато, ничего неверного в них нет, — вздохнув, сказал шестой дед.

Шэнь Чэнфу, который только что считал слова Шэнь Цжаньжана чересчур резкими и был согласен со своей племянницей, теперь виновато опустил голову.

Он вспомнил тех погибших сородичей и то, как в такой момент у него могли зародиться столь эгоистичные мысли... Этого действительно не следовало делать!

К тому же всем было очевидно, на что он способен. Он не мог не признать, что те восемь человек из его собственной семьи жили далеко не так хорошо, как два с лишним десятка людей под началом Шэнь Цжаньжана...

При этой мысли Шэнь Чэнфу почувствовал страшный стыд.

— Жан-гэ прав, я слишком во всём полагался на собственное мнение...

— Старший дядя!

— Хуэй-цзе, замолчи немедленно! — рявкнул Шэнь Чэнгуй, до этого хранивший молчание.

Увидев, что отец разгневался, Шэнь Хуэй испуганно съёжилась, но на её лице по-прежнему читалось упорное несогласие.

Шэнь Чэнгуй прекрасно знал нрав своей дочери, поэтому не стал обращать на неё внимания и вместе с Шэнь Чэнфу принёс извинения Шэнь Цжаньжану.

— Жан-гэ, прости. Хуэй-цзе еще неразумна, дядя как следует её воспитает, — извинился Шэнь Чэнгуй.

— Хм, воспитывать её действительно давно пора. Сейчас мы бежим от бедствия, а не

наслаждаемся жизнью! — Шэнь Цжаньжань не собирался никого баловать: говорил прямо всё, как есть, а кому не нравится — пусть убирается!

Шэнь Чэнгуй в знак согласия виновато закивал.

— И ещё раз повторю: следовать с нами можно, но нам не нужен единоличный лидер. Все дела мы решаем сообща, так что любые мысли о самодурстве и узурпации власти вам лучше оставить раз и навсегда.

— Хорошо, мы поняли, — в один голос закивали Шэнь Чэнгуй и Шэнь Чэнфу.

Разобравшись со всем, Шэнь Цжаньжань поднялся на ноги, потянул за собой Сяо Сылана и вышел наружу.

Отойдя в сторону, подальше от людей, Шэнь Цжаньжань достал из кармана десять лян серебра и протянул их Сяо Сылану.

— Братец, завтра снова одолжишь им эти деньги, только не забудь взять расписку.

<http://bllate.org/book/18876/1842961>